

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИРОНИИ

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье анализируется роль контекста в интерпретации иронических высказываний. Используя иронию, говорящий устанавливает определенные отношения между собой, адресатом высказывания и объектом иронического отношения. При этом цели говорящего могут варьировать от легкой критики до агрессии. Интерпретация иронии требует от адресата, во-первых, оценки интенции говорящего именно как иронической, а во-вторых, установления коммуникативной цели говорящего. Чтобы адресат правильно интерпретировал интенцию говорящего, высказывание должно содержать определенные вербальные сигналы. Дальнейшая интерпретация высказывания возможна только с учетом внешнего контекста — той ситуации, в которую включены говорящий, адресат и объект иронии.

Ключевые слова: анализ дискурса, прагматика, вербальная ирония, контекст, интенция говорящего, интертекстуальные связи, экстралингвистическая информация.

Abstract: The paper describes the role of context in the interpretation of ironic utterances. Verbal irony is used to create specific relationship between the speaker, the addressee and the object of irony. The communicative goals of the ironist can vary from slight criticism to aggression. The interpretation of irony requires, in the first place, evaluation of the speaker's ironic intention as such. Secondly, the addressee has to recognize goals of the speaker. Ironic utterances contain different verbal signals which help to determine ironic intention. For further interpretation the addressee needs to take into account external context, that is, the situation shared by the speaker, the addressee and the irony's victim.

Key words: discourse analysis, pragmatics, verbal irony, context, speaker's intention, intertextual relations, extralinguistic information.

В лингвистической прагматике и анализе дискурса существует определенный коммуникативный идеал, на который ориентируется большинство исследований. В наиболее явном виде этот идеал выражен в широко цитируемом Принципе Кооперации П. Грайса. Однако его оказывается недостаточно, как только исследователь сталкивается со случаями, когда люди говорят не то, что они на самом деле имеют в виду. Очевидно, существуют причины, которые побуждают людей пользоваться такими странными способами коммуникации, и при этом ожидать от собеседников, что они поймут, что на самом деле имеет в виду говорящий, и, более того, как он относится к тому, о чем или о ком идет речь. Посмотрим на следующие примеры:

(1) Мужчины любят и женщин, и лошадей, просто они не любят это в одном человеке [7].

(2) No kids, don't have any kids. If I want something that's mine forever and I can't control, I'll get another credit card [14].

Что заставляет людей пользоваться высказываниями, подобными (1) и (2)? Как читатели понимают, о ком идет речь в первом случае, и что заставляет авторов обеих фраз относиться к объектам высказываний с иронией? В приведенных примерах

говорящие не выражают свои коммуникативные намерения явным образом, однако это не мешает читателям обнаруживать и интерпретировать скрытую интенцию — ироническое отношение говорящего к объекту высказывания. В первом случае объектом иронического отношения является не названная напрямую Ксения Собчак, во втором — отношения между родителями и детьми. Как происходит понимание высказываний, подобных приведенному выше? Для интерпретации таких высказываний исследователи привлекают внешние условия общения, которые принято обозначать термином *контекст*.

Контекст — одно из наиболее часто встречающихся понятий в современных исследованиях по прагматике, анализу дискурса, социолингвистике, в формальном лингвистическом моделировании. Несмотря на популярность, понятие *контекст* не имеет четких границ, и его трактовка зависит от того, в рамках какого направления работает исследователь. Ч. Гудвин и А. Дуранти замечают: «...it does not seem possible at the present time to give a single, precise, technical definition of context, and eventually we might have to accept that such a definition may not be possible. At the moment the term means quite different things within alternative research paradigms, and indeed even within particular traditions

seems to be defined more by situated practice, be use of the concept to work with particular analytical problems, then by formal definition» [3, 2].

(...кажется, на сегодня невозможно дать единственное, точное техническое определение контекста, и в конце концов, возможно, нам придется признать, что такое определение невозможно. Сегодня этот термин имеет различные значения в разных исследовательских парадигмах, а внутри отдельных исследовательских традиций он определяется в большей степени исходя из конкретных проблем исследования, нежели на основе формального определения — *перевод мой К.Ш.*)

Наиболее узкое понимание контекста встречается в формальном моделировании естественного языка: контекст ограничивается непосредственным ближайшим окружением той единицы высказывания, к которой применяется определенное правило. Такой подход позволяет моделировать контекст средствами формальных грамматик; кроме того, в ряде случаев именно контекстом определяется сама возможность применения правила к конкретной языковой единице. Важно, что в формальных лингвистических моделях контекст является внутренним свойством языкового выражения и никак не связан с носителями этого языка и условиями его использования.

Функциональный подход к языку предполагает более широкую трактовку контекста, однако границы понятия варьируют в зависимости от того, кто или что оказывается в фокусе внимания исследователя.

В моделях коммуникативной деятельности, начиная с модели Р. Якобсона, контекст рассматривается как составная часть общения: знание контекста, в котором употреблено высказывание, считается необходимым условием для понимания этого высказывания. При этом границы контекста оказываются максимально размытыми: в зависимости от позиции исследователя, в него могут включаться не только непосредственные обстоятельства, в которых произнесено высказывание, но и социально-культурные нормы и традиции.

Если в центре внимания оказывается не сам говорящий, а результат его речевой деятельности, то исследователи считают, что контекст взаимодействует непосредственно со значением высказывания (ср., например, метафорическое *gradual context-dependent extension of meaning*, которое использует Б. Хайне [5]). Говорящий при этом оказывается в роли пользователя готового, статичного контекста.

В тех случаях, когда исследователь переносит внимание с готовых речевых произведений на говорящего, язык описывается как деятельность в определенных условиях. В отечественной лингвистике такой подход связан с теорией речевой деятельности. В западной лингвистике традиция изучения языка как способа действия связана не с собственно лингвистическими исследованиями, а с работами по философии языка Л. Витгенштейна, Дж. Остина (подробно о динамике понятия *контекст* в зарубежных исследованиях по философии языка см. [3]).

Еще одна проблема в исследовании контекста связана с терминологической неопределенностью. У разных исследователей идея контекста получает различное терминологическое оформление: например, условия успешности речевого акта в теории Дж. Остина — это и есть контекст, формализованный средствами языка логики.

Сложная структура коммуникативных процессов приводит к тому, что, моделируя обстоятельства общения, лингвисты неизбежно упрощают контекст. Зачастую для анализа используются сконструированные самими лингвистами ситуации, диалоги. В итоге исследователь сам определяет необходимые границы контекста, видя только то, что хочет увидеть.

Существует также проблема классификации разновидностей контекста. Существование альтернативных таксономий объясняется неоднородностью факторов, которые могут быть потенциально включены в коммуникативную ситуацию. Например, М.Л. Макаров выделяет внутренний и внешний контекст: внутренний контекст связан с ментальной сферой коммуникантов, внешний относится к ситуации общения. При этом внешний контекст понимается максимально широко: в него включается «... широкий спектр переменных: антропологических, этнографических, социологических, психологических, языковых и культурных» [1, 147].

В прагматике и анализе дискурса принято выделять обстоятельства, которые непосредственно связаны с ситуацией общения, фоновые знания (культурные и межличностные), а также ко-текст [2]. Все эти составляющие контекста должны учитываться при анализе речевой деятельности участников общения.

Традиционно ответственность за результат коммуникации возлагается на говорящего: в лингвистической прагматике чрезвычайно важными оказываются понятия интенции говорящего и ил-

локутивной силы высказывания. Эти понятия хорошо описывают ситуации «прямой» коммуникации, т.е. те случаи, когда говорящий не маскирует свои истинные намерения либо пользуется конвенциональными средствами выражения интенции. В терминологии Г.П. Грайса это те случаи, когда значение высказывания (sentence meaning) совпадает со значением говорящего (speaker meaning) [4]. Сложнее описывать случаи, когда эти значения не совпадают, т.е. ситуации, в которых говорящий маскирует свои намерения.

Что побуждает людей одновременно скрывать свои намерения и при этом хотеть быть понятыми? На наш взгляд, непрямая коммуникация оказывается удобным способом создания определенных отношений между участниками и различными компонентами коммуникативной ситуации. Вернемся к примерам (1) и (2): говорящие создают сложную систему отношений между собой, аудиторией и объектами высказываний: линия «автор — читатель» в качестве цели имеет не только развлечение, но и создание иронического отношения к объекту высказывания. Заметим, однако, что эта сложная система взаимоотношений может возникнуть только в том случае, если адресат высказывания (читатель текста) адекватно интерпретирует замаскированную интенцию говорящего.

С точки зрения прагматики такой способ общения трудно назвать оптимальным: иницируя ироническое отношение, говорящий рискует остаться непонятым. Минимизировать этот риск возможно только в том случае, когда высказывание содержит сигналы к его особой интерпретации. Иными словами, ироническое намерение автора высказывания должно быть каким-то образом маркировано. Возникает вопрос, что именно позволяет адресату высказывания сделать вывод о том, что значение высказывания не совпадает со значением говорящего?

Для ответа на этот вопрос лингвисты привлекают понятие *контекста*, однако это влечет за собой появление новых вопросов: какой объем контекста необходим для интерпретации иронического высказывания? Всегда ли адресату достаточно вербальной составляющей, или каждый раз необходимо привлекать информацию об окружающем мире? Попробуем разобраться, что помогает нам воссоздать ироническое отношение между говорящим, интерпретатором и объектом иронии.

Интерпретация иронии — сложная коммуникативная задача, поскольку ироническое высказывание, как и любой другой способ не прямой ком-

муникации, требует различать значение высказывания и значение говорящего. Интерпретация иронии осложняется еще и тем, что говорящий создает особые отношения между собой, адресатом высказывания и объектом иронии. Эти отношения могут преследовать различные цели: установление отношения доминирования, критику, реже — похвалу объекта иронии, агрессию и т.д. Следовательно, адресат должен не только распознать ироническую интенцию говорящего, но и решить, какова цель, которую преследует говорящий, выбирая иронию как способ коммуникации.

Первое, с чем имеет дело адресат — это собственно вербальная составляющая. Именно она служит сигналом наличия иронических отношений. В дальнейших рассуждениях будем называть ее внутренним (вербальным) контекстом. Помимо внутреннего, будем также выделять контекст внешний — ситуацию, в которой участвуют все три стороны: говорящий, адресат и объект иронии.

Внутренний контекст принципиально отличается от контекста внешнего. Внутренний контекст является почвой для множества интерпретаций высказывания (потенциально это множество может быть бесконечным). Внешний контекст, понимаемый максимально широко, напротив, функционирует как набор ограничений, которые позволяют интерпретировать высказывание как ироническое.

Внешний и внутренний контекст играют различную роль в интерпретации иронии. Чтобы адресат мог сделать вывод о несовпадении значения высказывания со значением говорящего, внутренний контекст должен содержать *сигналы* этого несовпадения. Их роль — предупредить адресата сообщения о наличии дополнительного значения.

Ключи к интерпретации высказывания как иронического лежат вне самого высказывания: чтобы определить, кто или что является объектом иронического отношения говорящего, адресат должен обратиться к контексту внешнему.

Вербальный контекст может содержать сигналы различной сложности к интерпретации высказывания как иронического. Языковые средства позволяют делать эти сигналы достаточно разнообразными. Примером явного сигнала могут служить кавычки: маркирование отношения говорящего к объекту высказывания — одна из прагматических функций кавычек в тексте. Кавычки становятся заместителями невербальных сигналов, которыми располагает говорящий в диалоге. Наличие такого сигнала помогает адресату распознать истинное отношение автора к объекту иронии:

(3) В прежнем составе Думы были независимые депутаты и некоторые из них, например, Владимир Рыжков, стояли бесспорно на западнических позициях. По новому избирательному закону этот «недочет» устранен. Теперь у Запада не будет в российском законодательном органе ни одного друга [11].

Заголовок публикации «Партия Путина одержала сокрушительную победу. И что?» [8], размещенной на сайте www.inosmi.ru, может быть интерпретирован как ироничный: основанием для такой интерпретации служат два сигнала: во-первых, нарушена лексическая сочетаемость (сокрушительным обычно бывает поражение, а не победа), а во-вторых, вопрос в конце заголовка делает его по сути диалогом, в котором второй участник подвергает сомнению предыдущее высказывание.

Интересно, что в оригинале *Putin's party won by a landslide. So what?* [13] первое предложение не несет иронии: английское устойчивое выражение *to win by a landslide* описывает выборы, в которых одна партия или один кандидат набирает значительно больше голосов по сравнению с другими. В результате вся «ироническая нагрузка» выпадает на роль вопроса. Переводчик предпочел усилить ироническое отношение автора к прошедшим выборам, охарактеризовав победу как сокрушительную.

Сигналом изменения значения говорящего относительно буквального значения текста могут стать динамические изменения внутреннего контекста. Изменением можно считать введение нового референта в текст, как это происходит в следующем примере:

(4) С середины ноября на конвейере АВТОВАЗа начат выпуск автомобилей LADA KALINA с кузовом универсал. Интересно, что выпуск вазовского семейства — LADA KALINA с кузовом седан началась в это же время, только три года назад, а хэтчбек KALINA появился на ВАЗе спустя полтора года. Чтобы сделать из LADA KALINA очередную модификацию, специалистам предприятия понадобился такой же срок: всего 18 месяцев (обычный срок беременности у слонов), и универсал готов [12].

Изначально текст строится как информационное сообщение: автор излагает факты, касающиеся производства автомобилей и никак не выражает своего отношения к этим фактам. Иными словами, значение высказывания и значение говорящего совпадают, а у читателя создается ощущение, что

цель сообщения — информировать потенциальных потребителей о новом автомобиле. Неожданное упоминание о беременности слонов меняет тон сообщения: информация о длительной беременности имеет коннотацию «слишком долго» контрастирует с предыдущим утверждением «всего 18 месяцев». Неожданное введение нового референта и возникающий контраст на семантическом уровне является сигналом настоящего отношения автора текста к описываемому событию. Благодаря этому сигналу читатель получает основания для интерпретации всего текста как иронического.

Сигналом наличия иронической интенции также могут служить интертекстуальные связи высказывания. На интертекстуальный характер иронии обращают внимание многие исследователи: как эхо-упоминание трактуют иронию Д. Уилсон и Д. Шпербер [6]. Ироническое высказывание может быть связано с другим текстом или высказыванием, и именно эта связь становится ключом к дальнейшей интерпретации интенции говорящего. Внешним сигналом такой связи двух текстов (и двух ситуаций) становится игра слов. Особенно часто она используется в заголовках публикаций в СМИ:

(5) Владимиру Путину оказали мишкину услугу // «Наши» создали детское пропрезидентское движение «Мишки» [10]

Сообщение о событии оформлено в виде подзаголовка, в то время как заголовок явным образом переключается с выражением «оказать медвежью услугу». Факт организации детского движения получает негативную оценку, которая не выражается напрямую.

Следующий пример — заголовок статьи, посвященной выдвижению Д. Медведева в кандидаты в президенты России, — вызывает сложный набор ассоциаций:

(6) Превращение гладкого путенка [9].

Первая ассоциация связывает образ кандидата в президенты с сюжетом превращения гадкого утенка в прекрасного лебедя из сказки Андерсена. Прилагательное *гладкий* также указывает на ироническое отношение автора к процедуре выдвижения кандидата. Наконец, контаминация *путенок* является еще одним сигналом иронического отношения автора статьи к кандидатуре преемника, намеком на его политическую несамостоятельность.

Внутритекстового сигнала достаточно для понимания, что значение высказывания и значение говорящего не совпадают. Для дальнейшей интер-

претации цели иронии адресат должен обратиться к внешнему контексту. Иногда это требуется для определения того, кто или что является объектом иронии, в других случаях — для определения того, какое именно отношение к объекту транслирует говорящий через иронию.

Следующий фрагмент текста — пример того, как последующая реконструкция иронического значения происходит с опорой на внешний контекст. Именно в ситуации содержатся «ключи», на основе которых адресат может определить объект иронического отношения (заметим, что далеко не всегда адресат может легко распознать эти «ключи»; не исключается и их иная интерпретация, не совпадающая с авторской):

(7) *In a word, Russians see NATO treating post-Soviet Russia as a defeated enemy and not as a strategic partner. The Russians don't feel they were defeated since, in their view, it was Mikhail Gorbachev who ended the Soviet Union. In any event, they now believe their state has recovered, and they think their country deserves renewed respect, which they crave after the humiliation they experienced when the 1990s ended their role as a superpower. They want the world to know that the Russian bear is back. Hence, they throw their weight around in a Europe increasingly dependent on Russia's energy resources, an approach recommended in his thesis by one Ph.D. candidate named Putin* [16].

Последнее предложение приведенного фрагмента радикально меняет соотношение значения текста и отношения автора к излагаемым фактам: то, что вначале читатель может принять за сочувственное отношение к русским, резко меняется на ироническое отношение. Смена контекста связана со сменой отношения автора к объекту иронии (который читатели должны определить самостоятельно: на роль «жертвы» вполне могут претендовать президент России, проводимая внешняя политика, наивное восприятие русскими собственной роли в новейшей мировой истории и т.д.).

В ряде случаев вербальный контекст имеет минимальное количество сигналов, и тогда основной опорой для интерпретации высказывания как иронического становится внешний контекст. Часто такие высказывания функционируют как афоризмы или анекдоты:

(8) *When Solomon said there was a time and a place for everything he had not encountered the problem of parking his automobile* [15].

Для интерпретации читателю не обязательно знать, что Боб Эдвардс — это американский радиожурналист, ведущий *The Bob Edwards Show*, из-

вестный своими ироническими комментариями. Зато каждый, кто водит автомобиль в большом городе, знает о существующих проблемах с парковкой. Те, кто не является счастливым обладателем автомобиля, могут не оценить данное высказывание как ироническое.

Высказывания (1) и (2), приведенные в начале статьи, также могут служить примерами интерпретации с опорой на внешний контекст.

Разделение контекстов на внешний и внутренний является в значительной степени условным. В реальной коммуникации выделение адресатом вербальных сигналов иронической интенции и ситуативных ключей происходит параллельно. Кроме того, оба контекста динамически взаимодействуют друг с другом. Поэтому чаще всего в процессе интерпретации иронического высказывания адресат опирается и на вербальную составляющую, и на знание внешней ситуации. Иллюстрацией такого высказывания может служить (9):

(9) *В связи с покупкой контрольного пакета «АвтоВАЗа» фирмой «Рено» новый автомобиль совместного предприятия получит название «Авно». Ведутся переговоры о покупке холдингом и ГАЗа* [7].

Вербальный сигнал иронии автора текста — придуманное название нового автомобиля — необходимо для того, чтобы читатель мог по аналогии составить название автомобиля в том случае, если «Рено» объединится и с «ГАЗом». Чтобы определить объект иронии, читатель должен обладать знанием о состоянии дел не только на конкретном автозаводе, но в отечественной автомобильной промышленности в целом.

Таким образом, понимание иронической интенции невозможно без опоры на внутренний и внешний контекст. Ключи к интерпретации иронической интенции говорящего могут содержаться внутри самого высказывания, и тогда для вывода о том, что автор относится к тому, о чем идет речь, с иронией, достаточно внутреннего контекста. Разнообразие вербальных сигналов иронии гарантирует понимание скрытой интенции говорящего. Для понимания цели, ради которой говорящий использует иронию, адресату приходится выходить за рамки текста и пользоваться ключами, содержащимися во внешнем контексте: в непосредственной ситуации или с опорой на знания о том, «как должно быть». Все сказанное выше свидетельствует о сложности процессов, которые участвуют в интерпретации иронического высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М. : Гнозис, 2003. — 276 с.
2. Cutting, J. Pragmatics and Discourse. A Resource Book for Students / Joan Cutting. — New York: Routledge, 2006. — 187 p.
3. Goodwin, Ch. Rethinking Context: An Introduction / Charles Goodwin, Alessandro Duranti // Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — Pp.1-42.
4. Grice, P. Studies in the Way of Words / Paul Grice. — Cambridge: Harvard University Press, 1989. — 394 p.
5. Heine, B. Cognitive Foundations of Grammar. Oxford University Press, 1997. 185 p.
6. Wilson, D. On Verbal Irony / Deirdre Wilson, Dan Sperber // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. — New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. — Pp. 25-33.

ИСТОЧНИКИ

7. Анекдоты из России. Март, 2008. Общий выпуск. — (<http://www.anekdot.ru/an/top/jxf0803-0803,100.html>).
8. Дежевски М. Партия Путина одержала сокрушительную победу. И что? / пер. А. Беспалова. — (<http://www.inosmi.ru/translation/238194.html>).

9. Камышев Д. Превращение гладкого путенка / Д. Камышев // Власть. — 2007. — № 49(753). — 17 декабря.
10. Козенко А. Владимиру Путину оказали мишкину услугу («Наши» создали детское пропрезидентское движение «Мишки») / А. Козенко // Коммерсантъ. — 2007. — 7 декабря. — С. 5.
11. Остальский А. Поражение западничества в России / А. Остальский. — (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7126000/7126040.stm).
12. Универсальное решение // Женщина за рулем. — 2008. — №1. — С. 14.
13. Dejevsky, M. Putin's party won by a landslide. So what? / Mary Dejevsky. — (<http://www.independent.co.uk/opinion/commentators/mary-dejevsky/mary-dejevsky-putin-won-by-a-landslide-so-what-762143.html>)
14. Getlen, L. The Complete Idiot's Guide to Jokes / Larry Getlen. — New York: Alpha Books, 2006. — 320 p.
15. The Quotation Collections. — (http://www.quotationspage.com/quotes/Bob_Edwards/).
16. Zuckerman, M. Has Russia Left the West? / Mortimer Zuckerman. — (http://www.usnews.com/articles/opinion/mzuckerman/2007/12/06/has-russia-left-the-west_print.htm).